

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

ИВАНОВА С.А.,

доктор юридических наук, профессор,

e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ. Реализация принципа справедливости призвана обеспечить равенство участников процесса перед законом и правоприменительным органом, индивидуализацию правовых санкций с учетом характера совершенного деяния и личностных свойств правонарушителя, правильное сочетание реализуемых в правоприменении норм закона и нравственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: категория нравственности, принцип социальной справедливости, предписания юридических норм, способы поведения.

IVANOVA S.A.,

the doctor of jurisprudence, the professor

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE PRINCIPLE OF SOCIAL JUSTICE IN LAW ENFORCEMENT

ANNOTATION. Realization of a principle of justice urged to provide equality of participants of process before the law and правоприменительным body, an individualization of legal sanctions taking into account character of perfect act and personal properties of the offender, a correct combination realized in right application norms of the law and morals.

KEY WORDS: morals category, a social justice rule, instructions of legal norms, ways of behavior.

Процесс модернизации российского законодательства, имевший место в последние годы (принятие Конституции РФ, ГК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ и др.), и стихийно складывающиеся рыночные отношения требуют своевременного переосмысления ряда правовых категорий, выхода на новый, посттоталитарный, уровень исследований. К числу актуальных и перспективных направлений исследований в области теории права относится проблема реализации принципа социальной справедливости в правоприменительной деятельности. Этой теме в советское время было посвящено довольно много работ, однако рамки существовавшей тогда идеологии (марксизм-ленинизм) существенно ограничивали поле научных исследований, а научные результаты по этой проблематике были либо иллюзиями, либо пропагандой. Очевидно, что в 1970–80-е годы лозунги о справедливом советском праве и правоприменении, звучавшие из уст членов Коммунистической партии и «оседавшие» в научных дискуссиях, были лишь

благими пожеланиями, не предотвратившими развал великой державы. Если бы право и его применение в советские времена были такими, какими их живописали, если бы на деле теория не расходилась с практикой, если бы не было в нашей стране узаконенного лицемерия и обмана, не наступило бы и кризиса социализма. Но история не знает сослагательного наклонения [1].

Сформулированные в законах и других нормативных правовых актах нормы должны быть воплощены в действительности, реализованы в сознательно-волевых поступках людей, в противном случае теряется смысл (и отсутствует конечная цель), во-первых, процесса принятия нормы, во-вторых, самой нормы (ее содержания), по сути бессмысленной, если она не реализована на практике. Правовая норма реально существует лишь тогда, когда она выполняется всеми и повсеместно [2].

Классической аксиомой правоведения стал тезис, введенный философом В.С. Соловьевым, о том, что право (юридическое) – это минимум

нравственности (или оптимум ее), а справедливость – это категория нравственности [3]. По мнению В.С. Соловьева, закон ограничен и вместо совершенства требует низшей, минимальной степени нравственного состояния, поэтому в соотношении с нравственностью «право есть низший предел, или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный» [4]. Учение В.С. Соловьева о праве как минимуме нравственности было воспринято далеко не всеми отечественными правоведами. Так, с его критикой выступил Б.Н. Чичерин, по мнению которого разница между нравственностью и правом является не количественной («минимум» или «максимум»), а качественной [5].

Принцип социальной справедливости является общим принципом права и имеет морально-правовое содержание [6]. Справедливость, впрочем, как добро и зло, хорошее и плохое, совесть, долг, наполняется конкретикой в зависимости от условий жизни, духовных и иных потребностей различных социальных групп и обществ на соответствующих этапах их развития [7].

По мнению А.Б. Венгерова, неверно сводить право к морали и определять, например, право как справедливость. Это неизбежно ведет к большему социальным издержкам, прежде всего, из-за динамического содержания моральных начал [7]. Ведь на вопрос – а судьи кто? – уже несколько веков не могут ответить (да и нет на него четкого ответа) представители моральной, естественно-правовой, этической школы права [8].

В юридической науке правоприменению всегда уделялось должное внимание; для обозначения этого понятия использовались два термина: «применение норм права» и «правоприменительная деятельность». Однако их широкое использование не привело в теории права к формированию единой точки зрения на их содержание [9]. Полвека назад спор вокруг этих понятий разгорелся до такой степени, что одни ученые объявили его несостоятельным из-за «неудачных терминов», а другие предложили заняться теоретической разработкой приемов и методов применения норм права [10].

В работах, посвященных отдельным аспектам применения права, отсутствует единство мнений по многим принципиальным вопросам. Одни авторы (С.С. Алексеев, А.М. Васильев, А.Б. Сахаров и др.) полагают, что применение норм права – это лишь часть их реализации, другие (А.Е. Пашерстник, И.Е. Фарбер, Р.З. Лившиц и др.) не проводят различия между понятиями реализации, осуществления и применения норм права. Одни ученые под реализацией права понимают строго обусловленный процесс осуществления правовых предписаний (их воплощения в поведе-

нии людей) [11]. Иными словами, реализация права рассматривается как воплощение в поступках людей требований, в общей форме выраженных в нормах права (это наиболее распространенная точка зрения) [12]. Другие ученые реализацию права рассматривают как его конечный результат, достижение соответствия между требованиями конкретных норм и суммой фактически последовавших действий. Так, оценивая значение понятия «справедливость», П.Е. Недбайло писал: «Человек, убежденный в справедливости требований правовых норм... совершает поступки, учиняет правомерные акты реализации правовых норм самостоятельно, добровольно» [13]. «Составным элементом внутреннего убеждения граждан в необходимости соблюдения правовых норм является осознание справедливости, представляющее собой возможность понять социальный смысл требований правовых норм, надлежащим образом оценить поведение конкретных субъектов, избрав при этом нравственно-оптимальный вариант собственного поведения» [14]. Очевидно, подобные сентенции устарели и неприменимы к развитию современного права и законодательства.

Правовое государство и цивилизованные рыночные отношения – долгосрочные российские перспективы, стремиться к реализации которых необходимо. Вместе с тем нужно быть реалистами, четко понимая, что именно сейчас они недостижимы.

В учебной литературе изучаются четыре формы (в зависимости от характера правореализующих действий субъектов права), в рамках которых осуществляется реализация норм права: применение, исполнение, соблюдение и использование (осуществление) предписаний юридических норм путем правомерного поведения субъектов общественных отношений [15]. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением о том, что правоприменение есть не только одна из форм реализации права, но и форма управленческого решения, а также вид юридического процесса [16]. Применение норм права выходит на передний план тогда, когда исполнения, соблюдения и использования таковых недостаточно для обеспечения их полной реализации. Следовательно, правоприменительную деятельность можно определить как деятельность определенных субъектов по применению норм права к конкретной группе отношений [17].

Возникает естественный вопрос: кто является субъектом этой реализации? Существует две точки зрения. Первая (самая распространенная и, на наш взгляд, обоснованная) состоит в том, что такими субъектами являются только государственные органы и должностные лица. В

теории права термин «применение норм права» связывается со способом осуществления юридических норм, «который характеризуется властными действиями компетентных государственных органов по отношению к другим государственным органам, общественным организациям и гражданам» [18]. Так, по мнению А.Б. Венгерова, М.Н. Марченко [19] и др., право применяют лишь те структуры, должностные лица, которые имеют властные полномочия. Все сделки граждан, ведущие к возникновению, изменению и прекращению правоотношений, охватываются понятием «правомерное поведение» (иными словами, использование права и исполнение обязанности). Применение же права как принятие решений, имеющих официальный характер, при оформлении наиболее сложных договоров или разрешении споров осуществляется не гражданами (их участниками), а уполномоченными субъектами права (нотариальная контора, муниципальное учреждение, суд).

В некоторых работах утверждается, что особой формой реализации права является «индивидуальное правовое регулирование», под которым понимается применение права государственными органами и должностными лицами и действия граждан, порождающие определенные юридические последствия (договоры, сделки) [20]. Подобная позиция весьма уязвима, хотя бы потому, что понятие «индивидуальное правовое регулирование» содержит его противопоставление нормативному правовому регулированию, «смазывая строгую зависимость индивидуальных актов государственных органов, должностных лиц и граждан от правовых норм, которые должны реализовываться в их деятельности» [20]. В отличие от актов применения права, никакой договор (кроме договоров в публичном и в международном праве) не создает правил, обязательных для тех, кто не принимал участия в его заключении. Если акт применения права действует до его исполнения или отмены, то стороны договора в процессе его выполнения вправе сами изменить условия договора или расторгнуть последний.

Вторая точка зрения заключается в том, что нормы права применяют не только государственные органы и должностные лица, но и граждане. Так, П.Е. Недбайло в 1960-е годы исходил из отрицания государственно-властного характера правоприменения, относя к его процессу юридически значимые действия граждан, общественных организаций и органов государства [21]. Его позицию отчасти поддерживает А.Б. Венгеров, рассуждая следующим образом: «Гражданин право не применяет, хотя в некоторых случаях наделяется правомочиями активно препятствовать про-

тивоправному поведению другого лица» [22]. В качестве примера такого «случая» ученый приводит действия человека при необходимой обороне, когда под непосредственной угрозой оказывается жизнь, здоровье обороняющегося лица или его близких, делая, однако, особую оговорку: «Но, как правило (выделено мной – С.И.), применяют право органы государства, представители власти, т.е. те, кто наделен специальной компетенцией, либо те лица, чья работа связана с правоохранительной деятельностью».

В теории права различают несколько стадий правоприменения. Первая стадия заключается в исследовании фактических обстоятельств дела, сложившейся социальной ситуации, способов поведения. Основные вопросы, задаваемые на этой стадии: что в действительности произошло, что требует вмешательства правоприменителя? Факты необходимо установить, собрать, закрепить, исследовать (определив их достоверность) и, наконец, ответить на главный вопрос этой стадии – истинны или ложны оценки тех или иных фактов? Вторая (ключевая) стадия состоит в правовой квалификации действий адресата правоприменения, т.е. в выборе нормы права. Правоприменитель сопоставляет обстоятельства дела с гипотезой и диспозицией нормы права и определяет то правило поведения, которому обязан следовать адресат правоприменения. Третья стадия – это анализ правоприменителем текста нормы права, проверка ее на законность появления, на действие во времени, в пространстве и по кругу лиц (формально-догматический подход к норме права). Четвертая стадия заключается в толковании нормы права, уяснении ее смысла. Пятая стадия – это вынесение решения компетентным органом (должностным лицом). И, наконец, шестая стадия представляет собой процедуру доведения содержания решения до сведения адресата правоприменения и всех заинтересованных лиц [23].

Что означает социальная справедливость в сфере реализации права? По мнению советских ученых, прежде всего беспристрастность при решении споров о праве, обоснованность выводов фактическими обстоятельствами дела, равенство всех перед законом, соразмерность преступления и наказания, соответствие между целями законодателя и средствами, избираемыми для их достижения [24].

Но что такое беспристрастность как одна из сторон социальной справедливости, что она представляла собой в советское время и, тем более, как обнаруживает себя в современной российской действительности? Вопрос, на наш взгляд, отнюдь не праздный. Ранее понятие «бес-

пристрастность» было удобной ширмой, которой многие десятилетия пользовалась политическая верхушка, удовлетворяя свои интересы и запросы; но сейчас изменился строй, изменилась система, настали другие времена, но, увы, это понятие с таким же успехом использует в своих корыстных интересах другая политическая верхушка. Если раньше «неприкасаемыми» считались лица, облеченные властью или приближенные к ней, то сейчас все решается с помощью денег.

Яркий пример правоприменения – деятельность российских судов. Как известно, в пределах, установленных уголовным законом максимального и минимального сроков наказания, суд выносит решение применительно к каждому конкретному делу. «Однако один лишний удар, один лишний или недостающий талер или грош, одной неделей, одним днем меньше или больше тюремного заключения есть уже несправедливость» [25]. И – пристрастность. Вынося приговор (по уголовному делу) или принимая решение (по гражданскому делу), суд (в лице судей и от имени Российской Федерации) применяет право, реализует свои властные полномочия, вторгаясь в сферу прав и обязанностей индивида, иными словами, создает правоприменительный акт, на основе которого может осуществляться принуждение («узаконенное насилие»).

Волной демократических преобразований был актуализирован вопрос о судебных ошибках. Многие судебные постановления выносятся подчас с грубейшими нарушениями процессуальных и материальных норм, впоследствии отменяются и направляются вышестоящей инстанцией на новое рассмотрение. Граждане вынуждены годами обивать судебные пороги в поисках пресловутой справедливости... У невинно осужденного неизбежно возникает чувство разочарования в справедливости суда и закона; судебная ошибка оборачивается для этого лица публичной дискредитацией, ставит его на один уровень с преступниками. Психологические последствия такой несправедливости затрагивают и окружающих. Так, субъекта со слабыми нравственными установками она побуждает удовлетворять свои эгоистические интересы за счет общества или других лиц, а люди с прочными морально-правовыми воззрениями могут в связи с подобными фактами испытывать неуверенность в будущем. Все это приводит к неуважительному отношению к закону и суду [26].

Существует много причин (скрытых и явных) вынесения судом несправедливого приговора, главная из которых состоит в продажности части судейского корпуса. Вся абсурдность ситуации в

том, что эта проблема обсуждается на высшем государственном уровне на протяжении в течение нескольких лет [27], но никаких конструктивных механизмов ее разрешения предложено не было. Напротив, коррупция, пронизавшая все общество, ежедневно продолжает поражать судебную систему; например, среди адвокатов давно известны ставки, по которым покупаются «судебные решения» различных инстанций.

Среди других менее «популярных» и отживающих причин можно выделить опасения судьи вынести либеральный приговор. Если кассационная инстанция сочтет, что необходимо изменить слишком мягкий приговор, она должна отменить этот приговор и передать дело на новое рассмотрение. Судья, чей приговор был отменен, считается допустившим брак в работе. Если же приговор будет признан слишком суровым, срок наказания может быть снижен кассационной инстанцией без его отмены, причем в этом случае в адрес судьи нареканий не поступит. Данная ситуация создает условия, при которых приговоры судьи могут выноситься с известной подстраховкой.

Еще один аспект проблемы справедливости, который нельзя обойти вниманием, состоит в том, что акты применения права должны быть справедливыми с точки зрения тех, кто становится объектом их действия, а также тех, кто в соответствии с ними наказывается. Проблема справедливости в реализации права не сводится к оценке действий правоприменительных органов. Речь идет о том, могут ли быть справедливыми либо несправедливыми и другие субъекты права. Закон издан, вступил в действие, и все субъекты должны им руководствоваться. Вместе с тем есть органы и лица, которым закон «вверяется», «передается» в руки для того, чтобы он мог быть строго и точно претворен в жизнь, например, когда необходимо разобрать спор в сфере частного права, правильно истолковать и применить закон к тому или иному случаю [28]. По мнению В.Г. Графского, ценность права проявляется в том или ином результате его применения – в справедливом характере судебного решения, примирении конфликтующих сторон, «в сдерживании алчных побуждений и устремлений индивидов и групп и тем самым в обеспечении и поддержании мира, порядка, общего блага» [29].

Каково же место и роль принципа социальной справедливости в процессе правоприменения? Трудно не согласиться с определением «применение права», данным С.С. Алексеевым: это после правотворчества второй по значению, а при известных социальных условиях и не менее значимый фактор, столь существенно влияющий

на правовое регулирование, притом влияющий в самом ходе, в процессе воздействия права на общественные отношения [30].

Если раньше советский закон и советское право провозглашались самыми справедливыми, то реформы последних 15 лет «развели» понятия «законность» и «справедливость», оттеснив последнее в область нравственности. Одним из первых обратился к исследованию этих требований в качестве принципов правоприменительной деятельности И.Я. Дюрягин, представивший их не в виде основополагающих начал (руководящих идей) правоприменения, а как синоним содержания общих и специальных юридических гарантий (или требований) законности в сфере этой деятельности [31]. Общие гарантии обеспечения правильного применения правовых норм, как представляется И.Я. Дюрягину, составляют принципы: объективного и полного исследования обстоятельств дела, соблюдения норм материального права; принятия решения в пределах компетенции и в установленных законом процессуальных формах, контроля и надзора за деятельностью правоприменительных органов, участия трудящихся и общественных организаций в правоприменительном процессе, право обжалования действий должностных лиц, ответственности за принятие неправомερных актов. Специальные юридические гарантии обеспечения правильного применения правовых норм И.Я. Дюрягин подразделяет на два вида специальных требований: требования правильного (законного) применения норм права (общие гарантии); требования, предъявляемые к принимаемому по делу решению (обоснованность, законность, целесообразность и справедливость). Таким образом, принципы правоприменения представляются преимущественно в одном аспекте – как юридические гарантии права, а не как самостоятельный элемент правоприменительной системы и отнюдь не в качестве основных ее начал (руководящих идей) [26].

Законность – это одно из основных требований к применению права (помимо обоснованности, целесообразности и справедливости), означающее, что при решении конкретного случая правоприменительный орган должен основываться на определенной норме права (их совокупности), прямо относящейся к рассматриваемому делу, строго и неукоснительно следовать ее точному смыслу, действовать в рамках своей компетенции [32]. Требование обоснованности означает, что, во-первых, должны быть выявлены все относящиеся к делу факты, во-вторых, они должны быть тщательно и объективно изучены и признаны достоверными и, в-третьих, все недоказанные и сомнительные факты должны быть

отвергнуты. Целесообразность в праве – это соответствие деятельности органов и лиц в рамках закона конкретным условиям места и времени, выбор оптимального пути осуществления нормы в конкретной жизненной ситуации. Так, некоторые исследователи (М.Ф. Орзих, П.М. Рабинович и др.) считают единственными требованиями правильного применения правовых норм законность и целесообразность. Близкую позицию занимает С.С. Алексеев, утверждающий, что применение права может быть признано надлежащим лишь тогда, когда является законным и обоснованным, добавляя: «Существенное значение также имеют целесообразность и эффективность применения, осуществляемого в рамках... законности» [33].

Представляется, что на современном этапе необходимо «наладить» должное выполнение требований законности и обоснованности, полностью сконцентрировавшись на их реализации (и контролем над реализацией) судами и другими правоохранительными органами. Это отнюдь не означает полного забвения требования справедливости в правоприменительной деятельности, напротив, активная работа по выполнению выше-названных требований позволит практикам и ученым приблизиться к разгадке сущности принципа социальной справедливости в правоприменении [34].

Сейчас звучат несбыточным идеалом слова А.И. Экимова о том, что справедливость выступает «средством обеспечения социальной ценности правовых норм, и без ее учета, как критерия соизмеримости поведения людей, правовое регулирование в конечном счете затруднительно» [35]. В современных условиях правового нигилизма, увы, речь не идет о «социальной ценности правовых норм».

Важным в деле реализации принципа справедливости в правоприменении является необходимость индивидуализации требований права и правовой ответственности, что выражается в следующем.

Первое. Применяемые к правонарушителю меры воздействия, их вид, степень строгости, принадлежность к той или иной отрасли права должны соответствовать тяжести правонарушения, обстоятельствам его совершения и личности правонарушителя. Чем опаснее для общества та или иная разновидность правонарушений, чем больший вред (убытки) причинены потерпевшему, тем более строгими должны быть санкции в отношении нарушителя. Однако закон предусматривает возможность в каждом конкретном случае индивидуализацию ответственности. Например, согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ, «при назначении наказания учитываются характер и степень обще-

ственной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи».

Институт индивидуализации ответственности в гражданском праве России наиболее ярко проявляется в возможности уменьшения размера долга или причиненного вреда в процессе применения к лицу компенсационной меры гражданско-правового воздействия, в том числе, в виде возмещения убытков с учетом фактических обстоятельств дела, к которым закон относит степень вины кредитора (ст. 404 ГК РФ) и потерпевшего и имущественное положение лица, причинившего вред (ст. 1083 ГК РФ). Для достижения справедливости судебных решений в законе предусмотрены и некоторые обстоятельства, во многом характеризующие личность правонарушителя и называемые в качестве смягчающих административную ответственность, уголовное наказание или отягчающих ответственность, наказание.

Второе. Новый закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет (положение берет начало в ст. 54 Конституции РФ и конкретизировано в ст. 9, 10 УК РФ). Оно означает, что компетентный орган применяет к виновному лишь те санкции, которые предусматривались за данное правонарушение в момент его совершения. В ином случае возникает возможность привлечения лица к ответственности за действия, которые раньше противоправными не считались. Придание обратной силы закону, устанавливающему ответственность за ту или иную разновидность деяний, означает, по существу, объективное вменение.

Третье. За одно и то же правонарушение может быть применено лишь одно наказание. Иной подход явно не соответствует принципу справедливости, который требует «соответствия деяния и воздаяния» и, кроме того, порождает «возмущение и протест, а не служит целям воспитания привычки к строжайшему соблюдению норм поведения» [36]. Однако нельзя считать отступлением от требований однократности ответственности и «случай, когда закон допускает одновременное применение за одно преступление основного и дополнительного наказания. Здесь налицо одно преступление, одна ответственность, одно наказание, хотя иногда и в различных процессуальных формах». Данное положение закреплено в ст. 50 Конституции РФ и во многих кодифицированных нормативных актах публично-правовых отраслей (ч. 2 ст. 6 УК РФ; ч. 2 ст. 108 Налогового кодекса РФ). В гражданском

праве такого положения нет; вместе с тем оно косвенно реализуется путем отказа либо от принятия искового заявления недобросовестного истца, либо в самом иске недобросовестному истцу (если нарушитель претерпел меры ответственности в добровольном порядке) [34].

Процесс применения права начинается с исследования фактических обстоятельств дела, требующих процессуального уяснения и закрепления, причем от успешной работы на этой (начальной) стадии правоприменения во многом зависит справедливость принимаемых решений. Правоприменительный орган, полно и объективно выясняя обстоятельства конкретного дела, должен не только установить юридически значимые факты, но и определить нормативно закрепленные права и обязанности сторон, учесть положение принципа справедливости, положение об индивидуализации правовых требований, исходя из особенностей той или иной личности [37].

Иными словами, речь идет о всестороннем анализе, беспристрастном исследовании сути дела. На этой стадии правоприменения важно учесть и обстоятельства, выходящие за пределы правового регулирования, но позволяющие придерживаться строго индивидуального подхода в каждом конкретном случае [38].

В теории и на практике юридические доказательства рассматриваются в двух аспектах. Во-первых, с точки зрения способа получения фактических данных (показания свидетелей, потерпевших). Способы получения доказательств должны соответствовать принципу справедливости, т.е. не нарушать его этических и нравственных требований (уважительное отношение к свидетелю или подозреваемому, их человеческому достоинству). Второй аспект состоит в рассмотрении доказательств с позиции законодательства, в котором не всегда находят отражения нравственные требования. Установление фактических обстоятельств дела выступает чаще всего как доказывание. Трактующее в широком смысле доказывание «есть деятельность субъектов, направленная на установление с помощью юридических доказательств истинности обстоятельств дела» [39]. Здесь требование принципа справедливости состоит в том, чтобы при совершении всех действий по разрешению дел было обеспечено и соблюдено соответствие между правами и обязанностями участников правоприменения. Любое ущемление прав одних и создание преимуществ для других должно расцениваться как несправедливость. Так, неравные возможности сторон (истца и ответчика) в гражданском судопроизводстве по представлению

доказательств, участию в их исследовании и заявлению ходатайств в гражданском процессе нарушают формальное равенство между ними, а следовательно, и принцип справедливости.

Цель первой стадии правоприменительного процесса состоит в достижении фактической истины, т.е. соответствия знаний о ней фактическим обстоятельствам объективной действительности [40]. Истина является гносеологической основой справедливости, условием, без которого нельзя оценить ту или иную ситуацию, принять справедливое решение. Не менее важна такая стадия правоприменения, как выбор нормы права и ее анализ. От того, насколько юридически правильно квалифицировано деяние, во многом зависит справедливость решения судьбы человека и дела [41].

Правильный выбор правовой нормы, подлежащей применению, невозможен без исследования фактических обстоятельств дела, что требует знания квалифицирующей их правовой нормы. Окончательная квалификация фактических обстоятельств проводится на стадии принятия решения по делу. Уяснив, что рассматриваемое дело находится в сфере юридического регулирования, правоприменительный орган определяет его отраслевую подведомственность и избирает соответствующую норму права. После этого необходимо убедиться в ее «подлинности», сверив содержащиеся в ней положения с официальным текстом закона; проверить, действовала ли эта норма во время установленных фактических обстоятельств дела; распространяется ли ее действие на территорию, на которой происходили рассматриваемые события, и на круг виновных в них лиц. Тщательный анализ избранной юридической нормы способствует более полному воплощению принципа справедливости в процессе применения права. Чтобы выбранная правовая норма была законно и справедливо применена, необходимо уяснить (в некоторых случаях разъяснить) ее содержание. Уяснение и разъяснение – две диалектически взаимосвязанные стороны процесса толкования. Толкование, «обслуживая правоприменительную деятельность, обеспечивает точность передачи и воплощения в праве основных ее принципов, в том числе и принципа справедливости, при ее переходе в плоскость индивидуальных правовых предписаний» [42].

Принятие юридически значимого решения и издание соответствующего акта – завершающая стадия правоприменения, на которой фиксируются выводы, сделанные на предшествующих этапах [43]. Это интеллектуальный процесс, в котором от применяющих право субъектов, должностных лиц требуется убежденность в справедливости и законности принимаемого

решения. Итогом правоприменительной деятельности выступает документ, представляющий собой конкретный правовой акт, имеющий строго установленную форму и адресованный определенному кругу субъектов. В юридической литературе к нему предъявляются требования обоснованности, мотивированности, законности, целесообразности, справедливости и т.д. [44]. Акт применения права, вынесенный с соблюдением требований законности, по общему правилу является справедливым, ибо его законность несет в себе официальную меру справедливости [45]. Акт применения права, изданный на основании и во исполнение норм права, содержит не только правовой, но и нравственный аспект. Он регулирует более широкий круг общественных отношений, чем те, которые указаны в законе [34].

Список литературы:

- [1] Хусаинова Ш.М. О правовых актах, формирующих изменения в системе российского высшего образования и науке // Право и управление. 2022. № 11. С. 84.
- [2] Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. А.С. Пиголкина. М., 2003. С. 379.
- [3] Соловьев В.С. Оправдание добра. СПб., 1999. С. 37.
- [4] Соловьев В.С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 98.
- [5] История философии права / Под ред. Д.А. Керимова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. С. 443.
- [6] Юзиханова Э.Г., Смелова С.В. Государственная политика защиты традиционных ценностей // Право и управление. 2022. № 12. С. 13.
- [7] Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. М.: Омега-Л, 2004. С. 381.
- [8] В практической деятельности (судебной, арбитражной) идеология моральной школы права не может быть реализована из-за аморфности и размытости моральных норм.
- [9] Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении (теоретико-правовое исследование): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 12.
- [10] Каллагов Т.Э. Понятие, содержание и особенности возникновения и прекращения муниципально-служебных отношений // Международный научный вестник. 2022. № 4. С. 35.
- [11] Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2001. С.9.
- [12] Общая теория права / Отв. ред. А.С. Пиголкин. М., 2002. С. 282.

- [13] Недбайло П.Е. Указ. соч. С. 497.
- [14] Теория государства и права / Под ред. Н.А. Катаева, В.В. Лазарева. Уфа, 1994. С. 374.
- [15] Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. М., 1981. С. 303–306; Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. С. 380.
- [16] Долгий М.О. К вопросу о понятии и понимании правового государства: теоретико-правовой аспект // Международный научный вестник. 2022. № 2. С. 18-19.
- [17] Харзинова В.М., Шагапсоев Т.Р. Сравнительно-правовой анализ применения мер уголовно-процессуального принуждения // Международный научный вестник. 2022. № 4. С. 61-62.
- [18] К итогам дискуссии о применении норм советского права // Советское государство и право. 1955. № 3. С. 41–53.
- [19] Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебник. М., 2001. С. 685.
- [20] Гасанов А.Я. К вопросу об информационной среде как основе цифровой услуги // Международный научный вестник. 2022. № 4. С. 84-85.
- [21] Недбайло П.Е. Указ. соч. С. 179.
- [22] Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 501.
- [23] Гончаров И.А. Исторические аспекты развитие системы объектов права собственности в Российской Федерации // Международный научный вестник. 2022. № 3. С. 23.
- [24] Гасанов А.Я. К вопросу об информационной среде как основе цифровой услуги // Международный научный вестник. 2022. № 4. С. 84-85.
- [25] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1934. С. 234.
- [26] Седой И.С. Перспективы реформирования системы правоохранительных органов на современном этапе: конституционно-правовой аспект // Международный научный вестник. 2022. № 4. С. 64.
- [27] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 26 мая 2004 г.
- [28] Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 115.
- [29] Графский В.Г. Право и социальные ценности в исторической ретроспективе // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 1. С. 86, 87.
- [30] Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. С. 322.
- [31] Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973. С. 127, 128.
- [32] Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003. С. 389.
- [33] Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций. Т. 2. Свердловск, 1973. С. 213.
- [34] Пиманов А.К. Механизм функционирования государства и правосознание граждан: теоретико-правовой подход // Международный научный вестник. 2022. № 2. С. 27-28.
- [35] Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 168.
- [36] Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 148.
- [37] Газимагомедов М.А. Американское прецедентное право: правотворчество как явление в судебной системе // Международный научный вестник. 2022. № 4. С. 44.
- [38] Мецгер А.А. К вопросу о содержании и сущности понятия «правоприменительная» деятельность // Международный научный вестник. 2022. № 4. С. 25.
- [39] Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 336.
- [40] Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 47.
- [41] Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 111.
- [42] Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983. С. 103.
- [43] Газимагомедов М.А. Американское прецедентное право: правотворчество как явление в судебной системе // Международный научный вестник. 2022. № 4. С. 44.
- [44] Правоприменение в советском государстве. М., 1985. С. 72, 73.
- [45] Вопленко Н.Н. Указ. соч. С. 116.

Spisok literatury:

- [1] Sh.M. Khusainova. On legal acts forming changes in the system of Russian higher education and science//Law and management. 2022. № 11. S. 84.
- [2] Theory of state and law: Textbook for law schools/Under the general. ed. A.S. Pigolkin. M., 2003. P. 379.
- [3] Soloviev V.S. Justification of good. St. Petersburg, 1999. S. 37.
- [4] Soloviev V.S. Law and morality//Power and law. From the history of Russian legal thought. L., 1990. S. 98.
- [5] History of the philosophy of law/Ed. D.A. Kerimov. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. S. 443.
- [6] Yuzikhanova E.G., Smelova S.V. State Policy for the Protection of Traditional Values//Law and Management. 2022. № 12. S. 13.
- [7] A.B. Vengerov Theory of State and Law: A Textbook for Law Schools. M.: Omega-L, 2004. P. 381.

- [8] In practice (judicial, arbitration), the ideology of the moral school of law cannot be realized due to the amorphousness and blurring of moral norms.
- [9] Vyazov A.L. The principle of justice in modern Russian law and law enforcement (theoretical and legal study): Author. diss.... cand. jurid. sciences. M., 2001. S. 12.
- [10] Kallagov T.E. The concept, content and features of the emergence and termination of municipal-official relations//International Scientific Bulletin. 2022. № 4. S. 35.
- [11] Bulgakov V.V. The concept of justice in law: Autoref. diss.... cand. jurid. sciences. Tambov, 2001. S.9.
- [12] General Theory of Law/Rev. ed. A.S. Pigolkin. M., 2002. S. 282.
- [13] Nedbailo P.E. Decree. Op. S. 497.
- [14] Theory of State and Law/Ed. N.A. Kataeva, V.V. Lazareva. Ufa, 1994. P. 374.
- [15] Alekseev S.S. General theory of law. VOL. 1. M., 1981. S. 303-306; Theory of state and law: Textbook for law schools/Under the general. ed. A.S. Pigolkin. M.: Gorodets, 2003. S. 380.
- [16] Long M.O. To the question of the concept and understanding of the rule of law: theoretical and legal aspect//International Scientific Bulletin. 2022. № 2. S. 18-19.
- [17] Kharzinova V.M., Shkhagapsoev T.R. Comparative legal analysis of the application of criminal procedure coercion measures//International Scientific Bulletin. 2022. № 4. S. 61-62.
- [18] To the results of the discussion on the application of the norms of Soviet law//Soviet state and law. 1955. № 3. S. 41-53.
- [19] Marchenko M.N. Problems of the theory of state and law: Textbook. M., 2001. S. 685.
- [20] Hasanov A.Ya. On the question of the information environment as the basis of a digital service//International Scientific Bulletin. 2022. № 4. S. 84-85.
- [21] Nedbailo P.E. Decree. Op. S. 179.
- [22] Vengerov A.B. Decree. Op. S. 501.
- [23] Goncharov I.A. Historical aspects of the development of the system of property rights in the Russian Federation//International Scientific Bulletin. 2022. № 3. S. 23.
- [24] Hasanov A.Ya. On the question of the information environment as the basis of a digital service//International Scientific Bulletin. 2022. № 4. S. 84-85.
- [25] Hegel G.V.F. Philosophy of Law. M., 1934. S. 234.
- [26] Sedoy I.S. Prospects for reforming the law enforcement system at the present stage: constitutional and legal aspect//International Scientific Bulletin. 2022. № 4. S. 64.
- [27] Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of May 26, 2004
- [28] Alekseev S.S. Law: ABC - theory - philosophy: experience in complex research. M., 1999. S. 115.
- [29] Gafsky V.G. Law and Social Values in Historical Retrospective//Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation. 1997. № 1. S. 86, 87.
- [30] Alekseev S.S. General theory of law. VOL. 1. P. 322.
- [31] Dyuryagin I.Ya. Application of the norms of Soviet law. Sverdlovsk, 1973. S. 127, 128.
- [32] Theory of state and law: Textbook for law schools/Ed. A.S. Pigolkin. M., 2003. S. 389.
- [33] Alekseev S.S. Problems of the theory of law: Course of lectures. VOL. 2. Sverdlovsk, 1973. S. 213.
- [34] Pimanov A.K. Mechanism of functioning of the state and legal awareness of citizens: theoretical and legal approach//International Scientific Bulletin. 2022. № 2. S. 27-28.
- [35] Ekimov A.I. Justice and socialist law. L., 1980. S. 168.
- [36] Samoshchenko I.S., Farukshin M.Kh. Responsibility under Soviet law. M., 1971. S. 148.
- [37] Gazimagomedov M.A. American case law: law-making as a phenomenon in the judicial system//International Scientific Bulletin. 2022. № 4. S. 44.
- [38] Metzger A.A. On the content and essence of the concept of "law enforcement" activities//International Scientific Bulletin. 2022. № 4. S. 25.
- [39] Alekseev S.S. General theory of law. VOL. 2. M., 1982. S. 336.
- [40] Lazarev V.V. Application of Soviet law. Kazan, 1972. S. 47.
- [41] Kudryavtsev V.N. Law and behavior. M., 1978. P. 111.
- [42] Voplenko N.N. Socialist legality and application of law. Saratov, 1983. S. 103.
- [43] Gazimagomedov M.A. American case law: law-making as a phenomenon in the judicial system//International Scientific Bulletin. 2022. № 4. S. 44.
- [44] Enforcement in the Soviet state. M., 1985. S. 72, 73.
- [45] Voplenko N.N. Decree. Op. S. 116.

